

Александр Восьмой

**Комедия
Город
Миллионеров**

Александр Восьмой

Комедия Город Миллионеров

«Автор»

2026

Восьмой А.

Комедия Город Миллионеров / А. Восьмой — «Автор», 2026

В абсурдном ТриТопоРа все — миллионеры, но деньги давно потеряли смысл: хлеб стоит полмиллиона пентаклей, туалетная бумага — миллион, а роскошь превратилась в нелепую игру. Здесь швыряют монеты в вентиляцию, едят золото и меряются статусами, пока город медленно тонет в собственном абсурде. Кай, оказавшийся в эпицентре этого безумия, решает бросить вызов системе. Вместе с пекарем Бруно, эксцентричным доктором Пентаклем и другими единомышленниками он запускает цепную реакцию перемен: от «ограбления без кражи» до «Аукциона Нового Смысла», где ставками становятся добрые дела и искренние эмоции. Смешные, трогательные и эпичные сцены раскрывают простую истину: настоящая ценность — не в блеске монет, а в тепле обычного хлеба, в улыбке незнакомца, в дереве, посаженном в центре города. ТриТопоРа учится ценить простое — и обретает новый, живой смысл.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Комедия Город Миллионеров

Глава 1. «Город, где деньги — это воздух»

Кай шагнул с пыльного пригорода на сияющие улицы ТриТопоРа — и мир будто переключился с чёрно-белого на ослепительно-яркий. Небоскрёбы взмывали в небо, словно гигантские золотые копья, их фасады переливались так, что слепило даже сквозь прищуренные веки. А под ногами... под ногами шуршали, звенели, хрустели пентакли. Не горстки, не кучки — целые барханы монет, будто кто-то высыпал сюда сокровищницы десятка королевств и забыл прибрать.

Кай наклонился, поднял одну монету, покрутил перед глазами. На ней был выбит герб страны — три скрещённых топора, обвитых лентой с надписью: «Богатство — это состояние души». Кай хмыкнул. В его родном городке за такую монету можно было купить мешок картошки и курицу впридачу. Здесь же, судя по всему, она годилась разве что как сувенир.

Мимо пронеслась золотая карета, запряжённая лошадьми в расшитых попонах. Из окна кто-то небрежно швырнул пачку банкнот — не считая, не глядя, просто чтобы развлечься. Пачка спланировала, как стая золотых птиц, и рассыпалась веером, ударившись о мостовую. Прохожие даже не вздрогнули. Один мужчина, в пальто из парчи, лениво пнул пару монет носком лакированного ботинка и пробормотал:

— Опять мелочь. Ненавижу мелочь.

Кай застыл, переваривая этот абсурд. Здесь деньги не хранили, не копили, не берегли. Их швыряли, как конфетти на празднике, который длится вечно.

Он побрёл дальше, мимо витрин, где за стеклом стояли роскошные вещи: часы, сверкающие бриллиантами, плащи из шёлка, статуэтки из чистого золота. Но ценники заставляли глаза расширяться до предела.

«Плащ из лунного шёлка — 50 миллионов пентаклей».

«Часы „Вечность“ — 120 миллионов».

«Статуэтка „ТриТопоРа“ (малая версия) — 200 миллионов».

Кай нервно сглотнул. В его кармане лежало ровно три тысячи пентаклей — состояние по меркам родного города. Здесь это было... ну, примерно как иметь в кошельке три фантика от конфет и гордо называть себя миллионером.

Впереди показалась вывеска: «Кафе Без Смысла». Над входом висел баннер: «У нас всё дорого. Очень дорого. И даже если вы скажете, что это перебор, мы поднимем цену ещё на миллион». Кай фыркнул, но любопытство победило. Он толкнул дверь и шагнул внутрь.

Внутри царил хаос изысканности. Столики были накрыты скатертями из тончайшего кружева, стулья обиты бархатом, а в центре зала стояла огромная ваза, доверху наполненная пентаклями. Посетители сидели, лениво перебирая монеты пальцами, будто это были зёрна риса.

К Каю тут же подлетел официант в костюме, расшитом золотыми нитями, с улыбкой, от которой хотелось одновременно смеяться и плакать.

— Добро пожаловать в «Кафе Без Смысла»! У нас сегодня особое предложение: стакан воды за миллион пентаклей. Свежая, из горного источника, который, возможно, даже существует. Желаете?

Кай моргнул.

— Стакан воды... за миллион?

Официант пожал плечами, будто речь шла о паре копеек.

— Ну, знаете, это не просто вода. Это вода с атмосферой. С ощущением роскоши. Вы платите не за жидкость, а за право сказать: «Я пил воду за миллион пентаклей». Это бесценно.

Кай почувствовал, как внутри закипает смесь недоумения и восторга. Это было настолько нелепо, что почти красиво.

— Ладно... дайте стакан.

Официант просиял, будто Кай только что заказал банкет на сто персон.

— Отличный выбор! Сейчас всё будет.

Пока Кай ждал, он огляделся. За соседним столиком дама в шляпе с перьями возмущённо стучала ложечкой по бокалу:

— Но это возмутительно! Вы подаёте мне эспрессо за три миллиона, а пенка на нём неровная! Я требую компенсацию! Хотя бы полмиллиона!

Рядом мужчина в цилиндре вздыхал:

— В прошлом году эспрессо стоил два с половиной. Цены растут, а качество падает. Куда катится страна?

Кай едва не расхохотался. Здесь жаловались не на дороговизну, а на то, что вещи недостаточно дороги. Это был мир, вывернутый наизнанку.

Официант вернулся с изящным хрустальным стаканом, в котором плескалась самая обычная вода. Кай взял его, посмотрел на прозрачную жидкость, потом на ценник в воображении, потом снова на воду. И вдруг понял: в этом безумии была своя странная логика.

Он достал из кармана все свои три тысячи пентаклей, высыпал их на стол и добавил сверху ещё... ну, сколько смог наскрести по углам. Получилось ровно миллион.

— Вот.

Официант на секунду замер, потом расплылся в широчайшей улыбке.

— Поздравляю! Вы только что стали почти богачом!

Кай замер, не донеся стакан до губ.

— Почти?

— Ну да. Настоящий богач платит два миллиона. Или три. Но вы на верном пути.

Кай медленно опустил стакан, не сделав ни глотка. Вода вдруг перестала казаться такой уж привлекательной. Он посмотрел в окно, на улицы, усыпанные деньгами, на кареты, швыряющие банкноты, на людей, которые жили в золоте, но не могли купить даже буханку хлеба.

И мир, который ещё пять минут назад казался ему волшебным, вдруг предстал во всей своей абсурдной, блестящей, пустой красоте.

Он поставил стакан на стол, не прикоснувшись к воде.

— Знаете... я, пожалуй, пойду.

Официант кивнул с пониманием, будто слышал это тысячу раз.

— Конечно. Но помните: вы всегда можете вернуться. У нас ещё есть воздух в банке. Всего за пять миллионов.

Кай вышел на улицу, и ветер тут же подхватил горсть пентаклей и швырнул ему в лицо. Монеты звякнули о мостовую, покатались, сливаясь с тысячами других. Кай посмотрел на свои руки, на ладони, где ещё чувствовался вес тех трёх тысяч, и тихо рассмеялся.

В ТриТопоРа деньги были повсюду. Они падали с неба, лежали под ногами, сверкали в витринах. Но они ничего не стоили. И в этом была вся суть города.

Город, где деньги — это воздух. Лёгкий, красивый, но бесполезный.

Глава 2. «Миллион пентаклей на бутерброд»

Утро в «Кафе Без Смысла» начиналось не с аромата свежей выпечки — его тут просто не было, — а с хруста монет под подошвами и торжественного звона колокольчика, который мадам Рубина велела вешать над дверью специально для «создания ощущения исключительности». Кай, в новом фартуке, расшитом золотыми нитками (который, по словам хозяйки, «сам

по себе стоит пять миллионов, так что не вздумай его потерять»), стоял посреди зала и пытался осознать, что теперь он — часть этого безумия.

Мадам Рубина возникла из-за портьеры, словно богиня абсурда: в шляпе с тремя страусиными перьями, с веером из банкнот и с выражением лица, которое одновременно обещало и награду, и увольнение.

— Ну что, мальчик, готов к роскоши? — спросила она, взмахнув веером так, что несколько купюр спланировали на пол. Никто из посетителей даже не наклонился их поднять.

— Готов, — пробормотал Кай, стараясь не смотреть на ценник у кассы: «Право войти в кафе — 500 000 пентаклей».

— Отлично. Тогда запомни главное правило «Кафе Без Смысла»: здесь не продают еду. Здесь продают статус. Клиент не хочет вкусно. Клиент хочет дорого. И ещё он хочет, чтобы окружающие видели, как дорого он платит. Понял?

Кай кивнул, хотя внутри всё протестовало. В его родном городке бутерброд с сыром стоил три пентакля и был самым счастливым событием дня. Здесь бутерброд стоил миллион, и счастье от него, судя по лицам гостей, не наступало.

Первый заказ не заставил себя ждать. Дама в платье из золотых нитей (Кай потом узнал, что оно называется «Шёпот роскоши» и стоит миллиард) постучала ложечкой по бокалу — звук получился такой, будто кто-то ударил по колоколу в храме абсурда.

— Молодой человек, — произнесла она ледяным тоном, — я заказывала «Воздушный круассан с намёком на масло». А мне принесли... просто круассан. Где намёк?

Кай переглянулся с официантом постарше, который закатил глаза и прошептал:

— Намёк — это когда ты платишь и делаешь вид, что чувствуешь что-то особенное.

Кай глубоко вдохнул.

— Простите, мадам, но намёк на масло — это очень тонкая материя. Возможно, он растворился по дороге от кухни к столу?

Дама прищурилась.

— Растворился? За миллион пентаклей? Это возмутительно! Я требую компенсацию! Хотя бы полмиллиона!

Мадам Рубина, которая всё это время наблюдала с лёгкой улыбкой, шагнула вперёд.

— Дорогая моя, не переживайте. Мы подадим вам тот же круассан, но скажем, что это «Версия с усиленным намёком». И добавим к счёту ещё миллион. Согласны?

Дама на секунду задумалась, потом кивнула с торжеством:

— Да. Так будет правильно.

И Кай впервые понял: здесь скандалы не из-за плохого качества, а из-за того, что вещь недостаточно дорогая. Чем выше цена — тем выше статус. Даже если ты недоволен, сам факт, что ты можешь позволить себе быть недовольным из-за миллиона пентаклей, — это роскошь.

Дальше день покатился, как золотая монета по наклонной: один гость требовал, чтобы кофе ему подали «не просто горячим, а элитно горячим», другой возмущался, что его сэндвич «не хрустит статусом», а третий вообще заказал «тишину за отдельным столиком» и заплатил за неё два миллиона, потому что «тишина в этом городе — редкость».

Кай бегал между столиками, пытался улыбаться, кивать и делать вид, что всё это нормально. В какой-то момент он принёс чашку кофе одному господину в цилиндре, а тот, попробовав, скривился и заявил:

— Это не три миллиона. Это максимум полтора. Верните разницу.

Кай уже открыл рот, чтобы сказать, что разницы не бывает, но мадам Рубина опередила его:

— Конечно, уважаемый. Мы вернём вам... скажем, пятьсот тысяч. Но только если вы согласитесь рассказать всем, что у нас самый дорогой кофе в городе.

Господин в цилиндре задумался, потом кивнул:

— Ладно. Пусть будет так. Но пусть в следующий раз он будет хотя бы на миллион дороже.

К полудню Кай чувствовал себя так, будто его мозг пытается сложить пазл, где все детали — золотые монеты, а картинка никак не складывается. Он вышел на крошечную кухню, где пахло не выпечкой, а старыми банкнотами и пылью, и прислонился к стене.

Мадам Рубина появилась следом, уже без веера, и посмотрела на него внимательно, почти по-доброму.

— Ты сейчас думаешь, что это безумие, да?

Кай кивнул.

— А это не безумие. Это экономика статуса. В ТриТопоРа деньги ничего не стоят. Зато стоит то, что ты можешь ими швыряться. Ты можешь купить бутерброд за миллион, но настоящая ценность — в том, чтобы все видели, как ты его покупаешь. Понимаешь?

Кай медленно выдохнул.

— Кажется, начинаю.

Мадам Рубина улыбнулась:

— Вот и отлично. Тогда иди и скажи тому господину у окна, что его бутерброд — это «лимитированная серия». И добавь к счёту ещё полмиллиона. Он будет доволен.

Кай вернулся в зал, посмотрел на господина у окна, который перебирал монеты на столе, будто это были бусины для чётки, и вдруг почувствовал странное спокойствие. Он больше не пытался понять логику этого мира. Он начал её использовать.

— Сэр, — сказал он, расправив плечи, — ваш бутерброд — лимитированная серия. Всего пять штук в городе. И мы отдали один вам.

Господин поднял брови, потом расплылся в довольной улыбке.

— Наконец-то. Хоть что-то достойное моих денег.

Он достал из кармана пачку банкнот и швырнул на стол ещё полмиллиона — просто так, для красоты. Монеты рассыпались по скатерти, как золотые звёзды.

Кай посмотрел на них, потом на господина, потом на зал, полный людей, которые платили миллионы за воздух, за намёки, за тишину. И понял: в ТриТопоРа ценность — это не товар. Ценность — это статус. И он только что научился его продавать.

Когда смена закончилась, Кай вышел на улицу, где закат окрашивал золотые фасады в багряный цвет, а ветер снова швырял в лицо пентакли. Он поймал одну монету на лету, накрыл в пальцах и усмехнулся.

Теперь он знал: в этом городе бутерброд за миллион — это не еда. Это заявление. И он был готов к следующему дню.

Глава 3. «Парад миллионеров, которые ничего не могут купить»

Город будто сошёл с ума — и в этом безумии чувствовалась особая торжественность. ТриТопоРа готовился к Параду Изобилия — самому абсурдному, самому блестящему, самому бессмысленному празднику года. Улицы украшали гирляндами из банкнот, фасады домов завешивали полотнами, расшитыми пентаклями, а на каждом углу стояли ящики, доверху набитые монетами: их полагалось швырять в толпу, чтобы никто не усомнился — здесь царит роскошь.

Кай стоял на краю тротуара, втиснутый между двумя дамами в платьях, похожих на золотые облака, и пытался удержать равновесие, пока город гудел, звенел и переливался. В воздухе кружились купюры, как осенние листья в вихре, и падали на мостовые, чтобы тут же быть затоптанными в сверкающую пыль.

— Это не парад, — пробормотал Кай себе под нос, — это золотой ураган.

Рядом дама в шляпе с перьями вздохнула с восторгом:

— Наконец-то. Каждый год я жду этого момента, когда можно просто стоять и позволять деньгам падать на меня. Это так... статусно.

Кай хотел было спросить, в чём прелесть быть засыпанным бесполезными монетами, но тут прогремел первый залп фанфар — и парад начался.

Первой выехала карета, целиком отлитая из золота (или, по крайней мере, покрашенная в золото так густо, что отличить было невозможно). Внутри сидел миллионер в плаще, который, по слухам, стоил больше, чем весь пригород, где вырос Кай. Он небрежно махнул рукой — и в толпу полетели пачки банкнот. Люди ловили их не для того, чтобы сберечь, а чтобы тут же подбросить повыше, словно это были конфетти на самом дорогом в мире карнавале.

За первой каретой последовали другие: каждая роскошнее предыдущей, каждый пассажир — важнее предыдущего. Один ехал верхом на лошади, чьи копыта были подкованы золотыми подковами; другой плыл в лодке, наполненной пентаклями; третий вообще сидел на троне, который катили восемь слуг в парчовых ливреях. И все они швыряли деньги — не считая, не глядя, просто чтобы показать: у них столько, что можно не беречь.

Кай протискивался вдоль улицы, стараясь не потерять из виду самую странную сцену дня. Впереди, у лотка уличного торговца, собралась небольшая толпа. Торговец — сухой, жилистый мужчина с хитрыми глазами — стоял за прилавком, на котором лежало всего одно яблоко. Но не простое: оно было покрыто тончайшим слоем золотой пыли, и от этого казалось, что оно светится изнутри.

К лотку подошёл миллионер — тот самый, из первой кареты. Он наклонился, прищурился, потом достал из кармана пачку банкнот и небрежно бросил её на прилавок.

— Я беру это яблоко.

Торговец даже не посмотрел на деньги.

— Не продаётся.

Миллионер замер.

— Что значит «не продаётся»? Я только что бросил сюда десять миллионов!

— А у меня сдачи нет, — спокойно ответил торговец.

— Сдачи? — миллионер будто услышал самое нелепое слово в мире. — Я не прошу сдачи! Я хочу яблоко!

— Так не бывает, — торговец скрестил руки на груди. — У меня правило: мелочь не беру. А десять миллионов — это мелочь. Для меня.

Толпа вокруг захихикала, кто-то даже зааплодировал. Миллионер побагровел, потом вдруг рассмеялся — нервно, отчаянно.

— Ты... ты смеёшься надо мной?

— Нет, я смеюсь вместе с тобой, — ответил торговец. — Это же ТриТопоРа. Тут никто ничего не покупает. Тут все просто делают вид, что могут.

Миллионер медленно убрал деньги, потом вдруг наклонился и прошептал:

— Сколько? Сколько ты хочешь за это яблоко?

Торговец задумался, почесал подбородок.

— Ну... пусть будет... сто миллионов. Но только если ты пообещаешь, что не будешь его есть.

— Не буду есть? — миллионер снова замер.

— Ага. Пусть оно у тебя будет. Как символ. Как статусный предмет. Ты же этого хочешь?

Миллионер выпрямился, посмотрел на яблоко, потом на толпу, потом снова на торговца. И вдруг кивнул.

— Ладно. Сто миллионов. Но пусть все видят, как я его покупаю.

Он достал новую пачку, ещё толще, швырнул её на прилавок — и толпа ахнула. Торговец ловко подхватил деньги, спрятал в ящик, а яблоко протянул миллионеру с поклоном.

— Поздравляю. Теперь у вас есть самое дорогое яблоко в городе.

Миллионер держал яблоко, как трофей, и улыбался так широко, будто только что завоевал королевство. А Кай стоял и думал: «Он не купил яблоко. Он купил право сказать, что у него есть яблоко за сто миллионов».

Парад катился дальше, улицы звенели от монет, воздух был густ от блеска и абсурда. Кай шёл следом за толпой, наблюдая, как люди собирают рассыпанные пентакли, складывают их в кучки, строят из них крошечные замки и крепости. Дети бегали между взрослыми, хватали монеты и тут же выкладывали из них стены, башни, мосты.

Один мальчик, лет десяти, гордо показал Каю свою постройку:

— Смотри! Это дворец! Он стоит миллиард!

Кай улыбнулся.

— Впечатляет. А что внутри?

Мальчик на секунду задумался.

— Ничего. Но зато он очень дорогой.

И в этом была вся суть ТриТопоРа: ценность не в содержимом, а в цене. Не в том, что ты имеешь, а в том, сколько ты за это заплатил.

Когда парад закончился, улицы были усыпаны деньгами, как после бури из золота. Люди расходились, унося с собой не покупки, а воспоминания: о том, как они стояли под дождём из банкнот, как ловили монеты на лету, как строили замки из пентаклей.

Кай остановился на углу, посмотрел на остатки парада — на пустые кареты, на разбросанные купюры, на детские замки, уже слегка помятые прохожими. И вдруг понял: в этом городе деньги не были валютой. Они были материалом для игры. Для искусства. Для театра, где каждый был и актёром, и зрителем.

Он поднял с мостовой одну монету, покрутил в пальцах. Она блестела, как крошечное солнце, но весила не больше обычного металла. Кай сунул её в карман — не как сокровище, а как сувенир. Как напоминание о дне, когда он увидел, как целый город притворяется богатым.

А потом он улыбнулся и пошёл дальше — туда, где, возможно, можно было найти что-то, что стоит не миллионы, а просто... чего-то стоит.

Глава 4. «Как украсть то, что ничего не стоит»

Утро в ТриТопоРа начиналось как обычно: с золотого звона, с шуршания банкнот под ногами и с ощущения, будто город снова решил притвориться, что деньги — это самое важное на свете. Кай шёл по улице, поправляя фартук «Кафе Без Смысла» (который, по уверениям мадам Рубины, «сам по себе — произведение искусства и стоит дороже, чем твоя жизнь, если мерить в пентаклях»), и думал, что уже привык к местному безумию.

Он ошибался.

Всё началось с крика.

— Вор! Держите вора!

Кай даже не сразу понял, что кричат именно на него. Он обернулся — и увидел, как из переулка вылетает разъярённый господин в расшитом камзоле, потрясая кулаками и указывая прямо на Кая. За ним бежали двое охранников в золотых доспехах, которые, судя по виду, были тяжелее, чем весь доход среднего жителя пригорода за год.

— Это он! Он украл мою гору денег!

Кай замер.

— Какую гору? Я вообще ничего не брал!

Господин подскочил вплотную, дыша так яростно, что монеты на его камзоле звенели, как колокольчики на бешеном жеребце.

— Мою личную кучу! Три миллиона пентаклей! Я её специально сложил у стены, чтобы все видели, какой я богатый! А теперь её нет! И ты тут стоишь! Значит, ты вор!

Толпа, которая собиралась вокруг, загудела, как пчелиный рой, которому внезапно показали мёд. Кто-то выкрикнул:

— Если у тебя украли три миллиона, значит, ты настоящий миллионер! Поздравляю!

Господин на секунду расплылся в довольной улыбке, потом вспомнил, что он в ярости, и снова нахмурился.

— Спасибо, конечно, но я хочу вернуть свою кучу! Это был мой статусный объект!

Кая схватили под руки и повели к зданию Городского Суда Престижа — массивному сооружению, чьи колонны были сложены не из камня, а из прессованных банкнот. Внутри пахло пылью, старыми деньгами и высокомерием. Судья, дама в мантии, усыпанной монетами, сидела на троне из золотых слитков и смотрела на мир так, будто каждый вздох стоил ей пол-миллиона.

— Итак, — произнесла она, постукивая молоточком, который тоже был золотым, — обвинение: кража трёх миллионов пентаклей. Что скажете, обвиняемый?

Кай сглотнул.

— Я ничего не крад. Я вообще не понимаю, зачем кому-то красть деньги, которые ничего не стоят.

В зале раздался шёпот, потом кто-то хихикнул, потом ещё кто-то. Судья подняла бровь.

— В ТриТопоРа деньги не «ничего не стоят». Они стоят... очень дорого. Особенно если их украли. Кража денег — это комплимент. Это признание твоего статуса. Если у тебя ничего не крадут, значит, ты недостаточно богат.

Кай почувствовал, как земля под ногами слегка покачнулась.

— То есть... меня судят за то, что я, возможно, украл то, что все равно бесполезно, и это считается... почётом?

Судья кивнула с видом человека, который объясняет очевидное ребёнку.

— Именно. У нас есть даже особая категория преступников — «воры престижа». Они не прячут деньги. Они хвастаются, что украли. Их девиз: «Если у тебя украли миллион, значит, ты достаточно богат, чтобы тебя заметили!»

В этот момент в зал ворвался ещё один человек — молодой, в плаще из купюр, с хитрой улыбкой и глазами, в которых плясали золотые искры.

— Простите, что прерываю, но я должен признаться! Это я украл ту кучу!

Все повернулись к нему. Господин в камзоле даже перестал злиться.

— Ты?

Молодой человек поклонился.

— Да. Я — Арго, вор престижа. И я горжусь этим. Я украл вашу кучу, потому что она была самой красивой на улице. Я даже сфотографировал её, чтобы потом показывать друзьям: «Смотрите, я украл у настоящего миллионера!»

Господин в камзоле на секунду задумался, потом расплылся в улыбке.

— Знаешь... это даже приятно. Значит, я действительно на виду.

Арго подмигнул.

— Вот именно. В нашем деле главное — не деньги. Главное — репутация.

Судья постучала молоточком.

— Дело закрыто. Обвиняемый Кай оправдан. Арго... ты, как всегда, нарушаешь правила, но, честно говоря, ты делаешь город интереснее. Иди и укради что-нибудь ещё. Только не у меня, ладно?

Зал расхохотался. Кай стоял, всё ещё слегка оглушённый абсурдом происходящего, и пытался осознать, что только что его оправдали не потому, что он невиновен, а потому, что настоящий вор оказался ещё более абсурдным, чем обвинение.

После суда Арго подошёл к Каю и хлопнул его по плечу.

— Не переживай. В ТриТопоРа быть обвинённым в краже денег — почти как получить награду. Пойдём, я покажу тебе кое-что покруче.

Он повёл Кая по узким переулкам, мимо домов, чьи стены были увешаны коврами из банкнот, мимо фонтанов, из которых вместо воды били струи монет. Наконец они остановились у неприметной двери, над которой висела табличка: «Клуб „Обесценители“». Под табличкой кто-то приписал мелом: «Здесь мы делаем деньги ещё бесполезнее — ради искусства».

Арго толкнул дверь, и они вошли.

Внутри было шумно, ярко и хаотично. Люди в самых нелепых нарядах — от плащей из купюр до шляп, украшенных монетами, — сидели за столами, играли в странные игры и смеялись так, будто смех тоже был валютой. В центре зала стояла огромная конструкция из пентаклей — то ли скульптура, то ли лабиринт, то ли просто способ потратить свободное время.

К ним подошла девушка с причёской, напоминающей башню из банкнот.

— Арго! Ты снова кого-то спас от суда?

Арго ухмыльнулся.

— Ага. Познакомься, это Кай. Он ещё не понимает, как тут всё устроено.

Девушка протянула руку.

— Лира. Я тут отвечаю за розыгрыши. Хочешь поучаствовать?

Кай хотел сказать «нет», но любопытство оказалось сильнее.

— А что нужно делать?

Лира подмигнула.

— Ничего особенного. Просто мы устраиваем «престижные розыгрыши»: прячем кучу денег так, чтобы её нашли, и смотрим, кто первый устроит скандал из-за того, что её украли. Это искусство. Это театр. Это ТриТопоРа.

Она протянула Каю небольшую коробочку, перевязанную лентой из банкнот.

— Держи. Внутри — десять тысяч пентаклей. Твоя задача — положить её туда, где её точно найдут. Но так, чтобы это выглядело... статусно.

Кай взял коробочку, чувствуя, как абсурд окончательно захватывает его мир. Он вышел на улицу, нашёл место у витрины самого роскошного магазина, где куча денег будет особенно заметна, и аккуратно поставил коробочку. Потом отошёл в тень и стал ждать.

Через пять минут к коробочке подошёл господин в цилиндре, посмотрел на неё, потом по сторонам, потом снова на коробочку. Он наклонился, поднял её, открыл... и тут же взорвался возмущением.

— Что это?! Десять тысяч?! Да я каждый день теряю больше, просто чихая! Это оскорбление!

Он швырнул коробочку обратно, но так эффектно, что монеты разлетелись веером, сверкая в лучах заката. Прохожие ахнули. Кто-то достал камеру. Кто-то начал аплодировать.

Кай стоял в тени и улыбался. Он наконец понял: в ТриТопоРа деньги были не валютой, не богатством, не средством обмена. Они были реквизитом. Они были частью спектакля, в котором каждый играл свою роль: кто-то — богача, кто-то — вора, кто-то — судью, а кто-то просто зрителя, который учится смеяться над абсурдом.

Когда он вернулся в клуб, Лира и Арго встретили его как героя.

— Ну как? Понравилось?

Кай кивнул.

— Понравилось. Теперь я понимаю: украсть то, что ничего не стоит, — это не преступление. Это комплимент.

Арго хлопнул его по плечу.

— Добро пожаловать в наш мир. Здесь даже воровство — это форма искусства.

И Кай вдруг почувствовал, что впервые за долгое время он не просто выживает в этом абсурдном городе. Он начинает в нём жить.

Глава 5. «Аукцион невозможного»

Зал аукциона «Купи то, чего нет» был похож на храм абсурда, возведённый из золота и тщеславия. Высокие своды терялись в полумраке, а воздух был густ от запаха старых денег и предвкушения победы. По периметру стояли статуи, чьи пьедесталы были выложены пресованными банкнотами, а между колоннами висели гобелены, сотканые из купюр. В центре возвышалась сцена, где аукционист в цилиндре, украшенном пентаклями, взмахивал золотым молотком так, будто не стучал, а дирижировал оркестром безумия.

Кай стоял у входа, вцепившись пальцами в край фартука, и пытался унять дрожь в коленях. Мадам Рубина буквально выпихнула его сюда со словами: «Если хочешь понять ТриТо-поРа, иди туда, где продают воздух. И смотри, как за него дерутся».

— Лот номер один! — прогремел аукционист, и зал замер, будто даже монеты на полу перестали звенеть. — «Право первым войти в магазин „Золотой зевок“!»! Стартовая цена — пять миллионов пентаклей!

В зале тут же взметнулись таблички.

— Шесть миллионов!

— Восемь!

— Десять!

— Двенадцать!

Кай моргнул. Люди дрались за право просто зайти в магазин раньше других. Не за товар внутри, не за скидку, не за подарок — за сам факт первенства. И делали это с такой страстью, будто речь шла о спасении мира.

— Продано за двадцать пять миллионов! — аукционист ударил молотком, и зал взорвался аплодисментами. Победитель — мужчина в плаще из купюр — поднял руки вверх, словно завоевал корону.

Лот за лотом уходили в руки тех, кто готов был платить за иллюзию. «Возможность стоять в очереди вне очереди». «Право пожаловаться на обслуживание с приоритетом». «Тень от статуи основателя города» (с оговоркой, что тень доступна только с 14:00 до 14:03 и только в пасмурные дни). Цены взмывали к миллиардам, а споры становились всё жарче.

— Но это же просто тень! — прошептал Кай стоящему рядом пожилому джентльмену.

Тот посмотрел на него так, будто услышал святотатство.

— Это не просто тень. Это статусная тень. Она говорит: «Я настолько важен, что даже тень от памятника мне принадлежит». Понимаешь разницу?

Кай не понимал. Но он начинал чувствовать ритм этого места: здесь продавали не предметы, а ощущение собственной значимости.

Аукционист вытер лоб золотым платком и объявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.